

Цан Ицзин обнял Чжун Жуйчжи: — Жуйчжи, откуда ты такой ангел?

Чжун Жуйчжи прижался к его груди.

Он слушал, как Цан Ицзин говорил: — Такой чуткий, такой нежный, умный, заботливый.

Он держал руку Чжун Жуйчжи, смотря ему в глаза: — Я обещаю, я никогда не буду злиться на них, я постараюсь... постараюсь заслужить их уважение, чтобы они спокойно отдали тебя мне.

Чжун Жуйчжи сказал: — Завтра... они придут за мной, обязательно придут сюда.

— Что ты планируешь? — спросил Цан Ицзин.

Чжун Жуйчжи сказал: — Я останусь с тобой. Если ты в Шанхае, я в Шанхае. Ты... вернешься в Гуандун, я тоже поеду с тобой.

Цан Ицзин взволнованно обнял его крепче: — Хорошо, хорошо! А... за границу?

Чжун Жуйчжи покачал головой: — Не поеду. Думать о разлуке с тобой — сердце разрывается, какая уж тут учеба. — Он тоже обнял Цан Ицзина. — Цзин Гэ, я буду с тобой, я не убегу, я защищу тебя, не позволю моей семье причинить тебе вред.

Он вцепился в спину Цан Ицзина: — Я защищу тебя, поэтому... не злись на них.

Он настаивал на этом, это было его самое большое желание сейчас.

И именно из-за этих слова Чжун Жуйчжи Цан Ицзин впервые почувствовал, что он действительно принадлежит ему.

Его Жуйчжи, после того как все раскрылось, ночью под дождем бросился в его объятия.

Что могло быть более радостным для него?

Цан Ицзин сказал: — Я все сделаю, как ты скажешь, Жуйчжи. Ты тоже верь мне, я не позволю тебе страдать, я дам тебе все самое лучшее. Я очень люблю тебя, очень-очень люблю.

— Угу, — Чжун Жуйчжи был очень уставшим. — Отнеси меня в кровать, я буду спать с тобой.

— Хорошо, я переоденусь. — Его Жуйчжи был чистым и ароматным, он, конечно, тоже должен был помыться и надеть мягкую хлопковую пижаму, чтобы обнять его и уснуть.

На следующий день Чжун Жуйчжи проснулся только после трех часов дня.

У него болела голова, лицо все еще болело, он был настолько уставшим, что не мог открыть глаза, все тело было слабым, и он чувствовал холод.

Чжун Жуйчжи потянулся к стороне, но Цан Ицзина уже не было. Он хотел перевернуться, но его руку схватили.

— Не двигайся, — это был Цан Ицзин. — У тебя температура, тебе ставят капельницу.

Чжун Жуйчжи смутно увидел стойку для капельницы у кровати.

— Ты голоден? — он продолжал. — Что хочешь поесть? Я закажу.

Чжун Жуйчжи сжал его руку.

Цан Ицзин погладил его лоб: — Ничего страшного, врач сказал, что ты простудился из-за того, что промок прошлой ночью. — Он говорил, что все в порядке, но волновался так, что не отходил ни на шаг. — Ладно, я пойду на кухню в малый особняк, приготовлю тебе... кашу с мясом, сяо хуньтунь.

Чжун Жуйчжи больше любил мясо.

Он спросил: — Кто-то приходил?

Ему снилось, как его семья пришла ссориться, он весь покрылся холодным потом.

Цан Ицзин вытирал его несколько раз, думая, что это из-за температуры.

Цан Ицзин сказал: — Нет, никто не приходил.

Акции снова упали, у отеля «Мир» собрались те, кто хотел разобраться с Цан Ицзином, но он подготовился: вокруг были переодетые братки, а в отеле жили более двадцати охранников.

Самое интересное, что он пожаловался в полицию на тех, кто мешал работе отеля.

Что касается сделок по слиянию, он, конечно, пригласил людей в гостиную большого номера для обсуждения.

Когда дело доходило до слияний, господин Цан снова становился тем самым элегантным и

богатым господином Цаном.

Но сегодня он был рассеян, потому что в спальне у Чжун Жуйчжи была температура.

Как и говорил Цан Ицзин Чжун Жуйчжи, он оставался в Шанхае неделю.

К удивлению обоих, Яо Мянью и другие не пришли.

Ничего не произошло. Затем они поехали в Гуандун, вернулись в Шэньчжэнь, и Чжун Жуйчжи последовал за Цан Ицзином, как обещал. Он волновался, потому что знал, что мать не оставит это так просто, это не ее стиль.

То, что она так долго не приходила, означало, что она готовит что-то, с чем Чжун Жуйчжи не сможет справиться.

Шэньчжэнь, все тот же четырехэтажный дом. Единственное отличие было в том, что с первого дня, как Чжун Жуйчжи поселился здесь, то есть с момента возвращения Цан Ицзина в Шэньчжэнь, дом и его окрестности были заполнены покрытыми татуировками, грубыми так называемыми «братками».

Он сказал Чжун Жуйчжи, что в последнее время есть небольшие проблемы, но ничего серьезного, и ради его безопасности нельзя выходить из дома. Сам он тоже редко выходил, казалось, сократил рабочую нагрузку: кроме получаса на бирже, он только появлялся в судоходной компании. И на обратном пути домой лично покупал продукты, чтобы готовить для Чжун Жуйчжи.

Чжун Жуйчжи пил суп с рыбными шариками, а ссоры с первого этажа доносились через стекло.

— Каждый день одно и то же, — он не понимал кантонский, но слышал одни и те же ругательства каждый день, даже дурак бы запомнил, что они означают, не говоря уже о Чжун Жуйчжи с его языковыми способностями. — Можешь мне рассказать? Хотя бы скажи, когда я смогу выйти?

Цан Ицзин положил в рот порцию пустых ростков, подумал и сказал: — Неудачное совпадение, ты приехал как раз в это время, но не больше двух месяцев.

Чжун Жуйчжи сказал: — Если бы я остался в Шанхае, мама бы меня заперла, а теперь с тобой в Шэньчжэнь — тоже тюрьма.

Цан Ицзин сказал: — Может... я отправлю тебя в Гуанчжоу, но мы не сможем быть вместе.

— Я приехал сюда, чтобы быть с тобой, — сказал Чжун Жуйчжи. — В последние дни я кое-что понял: акции все падают?

Цан Ицзин даже засмеялся.

— Ты выглядишь так, будто у тебя нет никакого давления, готовишь отлично. Совсем не похоже, что происходит что-то серьезное, — Чжун Жуйчжи съел креветку, которую почистил Цан Ицзин. — Но внизу каждый день ссоры, еще и мелкие инвесторы бьют стекла. Что ты задумал?

Как крупный инвестор с большими средствами, естественно, за ним следовали мелкие инвесторы, покупая акции. Теперь, когда они так упали, народ был взволнован. Зная его место жительства, они приходили бить стекла и устраивать беспорядки. Поэтому нужно было окружить дом охранниками.

Чжун Жуйчжи не мог сдержать ворчания: — Люди в таких ситуациях обычно прячутся, а ты выставил себя на показ, еще и живешь тут, вот и получил осаду.

Те, кто входил в фонд и биржевой клуб, немногие вышли. Дополнительные средства снова собрались в руках Цан Ицзина. Во-первых, они действительно выигрывали два года, и у них оставалось некоторое доверие к Цан Ицзину. Во-вторых, они все еще думали, что Цан Ицзин не вложил все деньги в акции. В-третьих, они уже так много потеряли, что теперь не могли остановиться, только играть с Цан Ицзином до конца.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197323>